

ПРОИЗВЕДЕНИЕ Е.А. ФЕНЦИКА *НИЩЕ ДУХОМЪ*

Марианна Лявинец-Угрин

Евгений Андреевич Фенцик (пс. Владимир, 1844–1903) занимает значительное место в литературном наследии карпаторусинской письменности. Он является одним из последних выдающихся талантливых писателей, беллетристов, публицистов и угро-русских деятелей-будителей конца XIX века.

Имя Е.А. Фенцика в истории русинской литературы связано с духовно-литературным журналом *Листокъ*, который издавался на протяжении 18 лет (1885–1903 гг.) и выходил каждую вторую неделю. К сожалению, в архивах нам не удалось найти полную подшивку всех номеров этого журнала, но в Будапеште в Государственной библиотеке имени Сечени за исключением нескольких номеров можно найти почти все выпуски журнала *Листокъ*. В нем печатались не только информативные или публицистические статьи, но и художественные произведения.

Впервые произведение Е.А. Фенцика *Нищие духомъ* увидело свет на страницах журнала в начале 90-х годов XIX столетия. Прежде чем приступить к анализу этого произведения, хотелось бы остановиться на некоторых, до сих пор не известных подробностях истории произведения, которые дополняют сведения о творчестве Е.А. Фенцика.

В научной литературе при упоминании произведения *Нищие духомъ*, как правило, цитируется один отрывок, в котором автор знакомит читателя с главным героем произведения (Сабов 1893: 141–144; Дуличенко 2008: 223–225; Падык 2010: 99). Впервые этот отрывок из произведения Е.А. Фенцика *Нищие духомъ* был напечатан в *Хрестоматіи церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ* Е. Сабова в 1893 году. Из найденных в Закарпатском областном архиве документов известно, что Е. Сабов лично обращался к авторам с просьбой прислать материал для хрестоматии или просил разрешения в архивах напечатать произведения или отрывки угро-русских литературных памятников (Сабов 1892). Поэтому можно предположить, что Е.А. Фенцик, по всей вероятности, лично передал этот отрывок для хрестоматии. Об этом свидетельствует также то, что к

моменту издания хрестоматии в 1893 году произведение *Нищіє духомъ* еще не было окончено, а опубликованный отрывок, являющийся окончанием одной и началом другой главы, был напечатан в двух последовательных номерах *Листка*. Иных, опубликованных в научной литературе отрывков из этого произведения, нам найти не удалось. В чем причина этого явления?

Произведение *Нищіє духомъ* никогда не было издано полностью. С февраля 1891 года по сентябрь 1895 года Е.А. Фенцик регулярно, чуть ли не в каждом номере журнала публиковал часть или главу своего произведения. Помещенные в журнале главы и отрывки не были пронумерованы и, как правило, заканчивались либо интригой, либо завязкой каких-то новых происшествий, появлением новых героев и т.п. В конце каждой главы или отрывка давалась пометка автора *Продолженіє слѣдуетъ*.

В данный момент в Будапеште ведется работа над полным репринтным изданием произведения *Нищіє духомъ*. Благодаря этому стало известно, что это произведение, которое автор писал на протяжении более 4 лет, состоит из 72 глав, которые занимают более 100 страниц.

В научной литературе жанр произведения Е.А. Фенцика *Нищіє духомъ* определяется как повесть (Падык 2010: 98) или повесть-хроника (Рудловчак 1985: 168). Принимая во внимание современное трактование жанра того или иного художественного произведения, по структуре и композиции произведение *Нищіє духомъ* действительно можно считать повестью. Сам же автор определил жанр этого произведения как рассказ.

В основе произведения *Нищіє духомъ* Е.А. Фенцика лежит сюжет известной миниатюры А. Духновича *Басня противъ стыдящихся своей народности* (Падык 2010: 100). Басня А. Духновича была опубликована в сборнике *Дгъло от бездгълія* в 1859 году. Сюжет басни таков: Бодрая Собака получила при львинном царском дворе должность первого Придворного. Всех, кто приходил к Царю, она встречала лестно и пропускала. Кроме собак, на которых она грозно лаяла. Однажды Медведь спросил Бодрую Собаку, почему она стыдится своего рода, ведь всем известно, что *ты Сучій Сын* (рус. 'сукин сын') (Духнович 2010: 105).

Е.А. Фенцик в своем произведении сохранил суть басни А. Духновича. Углубляясь в проблемы современности, он критически рассматривает тему морального разложения духовенства, рисует достоверную картину отрицательных явлений политической жизни и общественных отношений в Австро-Венгрии. Е.А. Фенцик показывает процесс и результаты обострения ассимиляции, т.е. мадяризации русинского народа. Автор разоблачает русинскую церковную интеллигенцию, которая ради славы, тщеславия, богатства и карьеры добровольно отрекалась от своего народа, от своих духовных ценностей. Вместо смирения духовенство шло на хитрость, вместо правды предпочло ложь и лицемерие, вместо веры, надежды и любви проповедовало безверие, отчаяние, ненависть и зависть. Оно служило уже не Богу, а власти. О моральном упадке духовенства Е.А. Фенцик намекает читателю уже в эпиграфе к своему произведению, который можно считать своеобразной перифразой цитаты из произведения Иоанна Вишенского *Писания до всех обще, в Лядской земли живущих*: «Не надѣйтесь на князи ваши, въ нихже нѣсть спасенія» (Листокъ 1891: 44).¹

Е.А. Фенцик проблему морального упадка русинской церковной интеллигенции показал в эволюции, сосредоточив внимание на двух поколениях одной семьи – сына и внука простого сельского дьяка Грабовчака. Главного героя произведения, сына Грабовчака, автор нарек не славянским, а турецко-венгерским именем – Коломаном. Этой номинацией дьяк Грабовчак, не подозревая о том, к чему это может привести, как будто дает своему сыну толчок к достижению успехов в жизни, т.е. быстрому продвижению по социальной лестнице. Коломан Грабовчак будучи одаренным и образованным, но все же бедным молодым человеком ради продвижения по карьере меняет фамилию на венгерскую. Сначала Е.А. Фенцик вводит в текст произведения новую венгерскую фамилию героя – *Gyertyánfi*, – написанное латиницей. Венгерское правописание призвано подчеркнуть несвойственность и неестественность имени в этой среде. Позже, когда главный герой окончательно перевоплощается в истинного венгра и полностью отрекается от своих русинских корней, Е.А. Фенцик пишет

¹ В оригинале фраза звучит так: «На панов же ваших русского рода, на сыны чловѣчскія, не надѣйтесь, – в них же нѣсть спасенія!» (Вишенский 1952: 106).

фамилию главного героя кириллицей – *Дьертянфи* (иногда *Дьертьян-фи*), констатируя и подчеркивая этим полную ассимиляцию и утрату своей идентичности. Женившись на венгерке Луйзе, – дочери разбогатевшего буржуа, – Коломан быстро поднимается по социальной лестнице. Как греко-католический священник, скрывая свою принадлежность к русинскому народу, он, разумеется, не удостаивает простых людей, точнее *руснаков*, уважения, считает их малокультурными и необразованными, а их образ жизни – полудиким. По его мнению, русин «не вымотается изъ своего полудикого состояния, пока не сдѣлается настоящимъ мадьярскимъ» (Листокъ 1891: 137–139).

Заветной мечтой Коломана Дьертянфи была служба в зажиточном селе Заломы, однако преградой на пути к этому были его русинское происхождение и бедность. Ради того, чтобы разбогатеть и осуществить свою мечту, Коломан пошел на обман: он вступал в мелкие сделки с местными мещанами и евреями, брал с крестьян повышенную *коблину*, т.е. натуральный налог в пользу церкви (Керча 2007: I, 417), тратя прибыль на собственные нужды. Получив приход и став духовным пастырем заломлян, Коломан Дьертянфи постепенно начал служить *чопатые*, т.е. сокращенные искаженные литургии и заставлял прихожан в церкви молиться по-венгерски, что вызвало у крестьян недоверие к нему. Отец Коломан Дьертянфи всеми силами поддерживает местного венгерского богача, господина Домбоки на выборах, помогает ему стать депутатом сейма. Вскоре Домбоки повышают в должности, он становится *февизишпаном вармеди*, т.е. губернатором комитата (там же, I, 129). А отец Коломан Дьертянфи, считая, что они друзья, надеется на поддержку со стороны губернатора Домбоки.

Сына Гейзу Коломан Дьертянфи воспитал в антирусинском духе, сделав из него разбалованного барчука без каких бы то ни было моральных ценностей. Получая образование в Будапеште, Гейза «ходилъ около университета» (Листокъ 1895: 101–105), т.е. кутил и развлекался, принимал участие в студенческих сходках, и, несмотря на то, что был сыном священника, ругал духовенство и *безпощадно* высмеивал *русначков*, хотя и сам был *русначком* (Листокъ 1894: 114–116). Распутная жизнь приводит к полному жизненному краху. По совету отца Гейза тоже становится священником, но и в этом он не находит своего настоящего призвания. Не достигнув в жизни ничего,

парень становится алкоголиком. Наказанный судьбой, Коломан Дьертянфи начинает объективно оценивать свое положение. Раскаиваясь во всем, он признается сыну, что как бы он ни пытался стать венгром и быть верным сыном государства, как бы ни старался воспитать сына в верноподданическом духе, в глазах власти они оба остаются *ненадежными* элементами (Листокъ 1895: 101–105).

Е.А. Фенцик заканчивает свое произведение следующими словами: «А однако многіе „нищіе духомъ” такимъ Домбокіямъ стоять къ услугамъ, заискивають ихъ ласки, отдають себя въ ихъ полное распоряженіе, и надѣются чрезъ нихъ отыскати свое счастье. – Наивныя надежды!.. Кто питаеть ихъ, въ самомъ дѣлѣ заслужить, чтобы его назвали „нищимъ духомъ”, но не въ евангельскомъ смыслѣ» (там же, 213–215). Здесь речь идет о первой *Заповеди блаженства* по Мф. 5:3 «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (см. Ринекер–Майер 1999). Согласно христианскому вероучению *Заповеди блаженства* являются частью заповедей Иисуса Христа. *Заповеди блаженства* Иисус произнес во время Нагорной проповеди, они дополняют *Десять заповедей Моисея*. *Заповеди блаженства* вошли в *Евангелие* (Мф. 5:3–12 и Лк. 6:20–23). Именно эта первая заповедь, точнее толкование словосочетания *нищие духом* часто вызывает споры, ведь слово *нищий* раньше обозначало не только бедного человека. Например, у С.И. Ожегова *нищий духом* (устар. и книж.) – человек, лишенный внутренних интересов, духовно опустошенный (Ожегов–Шведова 1998: 419). В *Толковом словаре живаго великорусскаго языка* В.И. Даля *нищий духом* определяется как *смиранный* (Даль 1881: II, 548). Это человек, обладающий смирением по отношению к самому себе, который не стремится разоблачать недостатки других, но прекрасно видит свои собственные. Все это основывается на Божьем милосердии, а не на выделении собственных заслуг. Смирение – это отсутствие гнева и раздражения даже в случае тех, кто, казалось бы, вполне заслуживает этого. Французский философ А. Бергсон фразу «Блаженны нищие духом» объясняет так, что нищие духом добровольно отказываются от своего богатства. При этом суть заключается не в том, чтобы лишить себя собственности или быть лишенным собственности, а в том, чтобы этого лишения не чувствовать (Бергсон 1994: 62). Слово *блаженный* в буквальном и первоначальном смысле имеет значение ‘счастливый’, а *блаженство* – это ‘счастье, благопо-

лучие, благоденствие, высшая степень духовного наслаждения' (Даль 1881: I, 95). Поэтому быть нищим духом в евангельском понимании, – это, скорее всего, обозначает душевную чистоту высшей степени перед самим собой и Богом. Слово *блаженный* на Руси употреблялось еще в значении 'калека, уродливый, юродивый' (там же, I, 95).

Так как Е.А. Фенцик утверждает, что его нищие духом, являются нищими духом не в евангельском смысле, можно сделать вывод, что главный герой произведения – отец Коломан Дьертянфи – человек с уродливой, духовно опустошенной душой.

При анализе произведения Е.А. Фенцика *Нищие духомъ* непременно нужно отметить языковую специфику этого произведения. По словам автора духовно-литературный журнал *Листокъ*, а соответственно и *Нищие духомъ*, были написаны на «общепринятом литературном русском языке, образованном на основании церковно-славянского» (Листокъ 1885: 1), который лежал в основе языковой концепции Е.А. Фенцика и его единомышленников. Эта концепция заключалась в том, что в качестве основы формирующегося русинского литературного языка был выбран великорусский, однако в нем были сохранены такие церковно-славянские элементы, которые в русском литературном языке к этому времени уже вышли из употребления. В научной литературе этот язык принято называть *язычием*. Так его называли украинофилы в полемике с москвофилами. Однако в глазах москвофилов, сторонников книжного языка, оно приобрело пренебрежительный оттенок. Язык был письменным, и употреблялся в Галицкой и Угорской Руси. Авторы, пишущие на этом языке, называли его *русским языком* либо *галицко-русским*. Правописание языка было историко-этимологическим. В лексической основе предпочтение отдавалось общим с русским и церковно-славянским языком словам, реже, местной лексике, которая была отличной в галицком (украинском) и угро-русском (русинском) язычии. Характерными проявлениями угро-русской, т.е. русинской лексики были свойственные русинскому народному языку слова – заимствования из венгерского языка.

Несмотря на то, что Е.А. Фенцик был ярким русофилом, и как правило, редко употреблял в своих сочинениях и изданиях русинский народный язык, в произведении *Нищие духомъ* с целью языковой характеристики персонажа он вводит живую русинскую речь. Например:

«Ой, пане, того не дочекаете, обы ми пріяли заставу пана Домбоки. Пань Домбоки насъ нукусь не шановавъ. Мы за каждую жердинку, за каждую травцю робиме пану Домбоки, якъ волы. Мы не достали отъ пана Домбоки ищи нигда ничь задарь, а за вшитко платиме ему учетверо. Най перебачать намъ, мы мало выпили, – айбо нашъ киветь пань Бодзаши! Сесе славный пань, съ нами ѣсть и пье, съ нами по нашому говорить, не потупляе нашу рѣчь и нашу вѣру, даколи побывать и у нашей церкви, и такъ заспѣвать „Господи помилуй“, якъ хоть котрый русинь» (Листокъ 1893: 135–136). (Ой, господин, вы этого не дождетесь, чтобы мы приняли флаг (знамя) господина Домбоки. Господин Домбоки нас вовсе не уважает. Мы за каждую жердь, за каждую травинку работаем у господина Домбоки, как волы. Мы не получили от господина Домбоки еще никогда ничего бесплатно, и за все платим ему в четыре раза больше. Пусть он извинит нас, мы немного выпили, – но нашим послем будет господин Бодзаши! Это хороший господин, с нами ест и пьет, с нами по-нашему (т.е. на нашем языке) говорит, не искажает нашу речь и нашу веру, иногда бывает в нашей церкви, и так поет «Господи помилуй», как любой русин.)

«Когда все сіе готово будетъ, должны дати снова поваковати и красенько выбѣлити» (Листокъ 1891: 175–176). (Когда все это будет готово, должны снова поштукатурить и аккуратно побелить.)

Однако и в авторском повествовании читатель сталкивается с рядом непонятных ему слов и выражений, которые Е.А. Фенцик в одном случае объясняет в глоссах, а в другом – оставляет без всяких комментариев. Вот несколько примеров.

Глоссы с венгерскими заимствованиями:

«Старосты (кураторы) прежде всего отправились къ помѣщику Домбоки съ челобитней, чтобы благоизволил дати имъ для постройки церкви камня» (там же, 68–69).

Глоссы с венгерскими объяснениями:

«Жити какъ его отецъ: работати отъ рана до вечера, и при всемъ этомъ ходити въ лаптяхъ, ѣсти по мужицки, и не дружити съ панами ему казалось каторгой, (gályarabság), а не жизнью» (там же, 113–116); «Послѣ своего возвращенія изъ столицы (főváros), Коломанъ Guertyánfi сталъ готовитися къ рукоположенію» (там же, 149–151); «Гейза находился на полѣ своего отца, гдѣ работники занимались мотыженіемъ (kapálás) картофельевъ» (Листокъ 1894: 136–138).

Глагол *мотыжати* производный от существительного *мотыкарь* – ‘копатель’. *Мотыжение картофеля* = *копание картофеля*. Венгерский эквивалент дословный: *kapálás (kapálni)* = *копание (копать)* (см. Керча 2007: I, 526).

Глоссы с русскими объяснениями:

«Отець Коломанъ посягъ въ креденць (буфеть) и выняль бутылку трехъ-звѣздчатого коняку» (Листокъ 1892: 187–189).

«Однако родители, особенно матери, сколько разъ его посятила, всегда твердила ему, что онъ не простякъ, что онъ урфи (баричъ), что стало быти, долженъ вести себя степенно, и на всѣ насмѣшки и острооты долженъ отвѣчати презрѣннѣмъ» (там же, 187–189). *Баричъ* (устар.) ‘сынъ барина, баринъ родомъ; сынъ челоуѣка, жившаго барски; привыкшій жить праздну, розкошно’, совр. *барчук* (см. Даль 1881: I, 49).

Глоссы с русинскими объяснениями:

«Солому съ хлѣвовъ вы должны сдерти, и покрыти хлѣвы гонтами (шинглами), все красно обмастити, и дати въ хлѣвы новый помость» (Листокъ 1891: 175–176). *Шингла* = ‘гонт, тес, дрань’ (Керча 2007: II, 585). *Гонт* = (спец.) ‘дранки, клиновидные дощечки с пазами, употр. как кровельный материал’ (см. Ожегов–Шведова 1998: 138).

Иногда язык глосс может чередоваться. Так, первоначально данная глосса на русинском языке *гонтами (шинглами)*, позже встречается в тексте с «обратной» глоссой:

«Что? Та нужно наладити шинглы (гонты), доски, известь, послѣ стокмити мастровъ, и обновити весь будинокъ, чтобы въ немъ можно было жити» (Листокъ 1891: 200–201); «На повозкахъ однако лишъ не будутъ стояти; помѣстимъ ихъ хотя бы на чердакъ (подѣ)» (там же, 213–214); «Необходимо прирубити по крайней мѣрѣ три комнаты: столовую, гостинную и канцелярню; но необходимъ и погребъ (пивница) и запасная комната (шпейсъ)» (там же, 235–236).

Есть случаи, когда в одном предложении глоссы могут употребляться на разных языках:

«Когда все сіе будетъ готово, непременно должны вы обгородити дворъ, огородъ (кертикъ), а то не городиною (плетнемъ), а непременно паланкомъ (досками)» (там же, 175–176).

Венгерский текст в угро-русском тексте:

«Г. Домбоки былъ мелькій (sic!) помѣщикъ, какъ говорится *hét szilvafás földes ur*, но вслѣдствіе сдѣлки съ Заломлянами, состояніе его

росло не по днямъ, а по часамъ» (там же, 80–82). (*Hétszilvafás földesúr* – дословный перевод: дворянин с семьей сливовыми деревьями. Насмешливое название в Венгрии, в основном в Трансильвании, о дворянах из беднейших слоев, которые владели небольшими поместьями, имениями или которые вовсе не имели их. Как правило, они жили в крестьянской среде, но имели свои преимущества, которыми очень гордились.)

«Прилѣжное чтение газетъ, въ родѣ „Pesti Napló” и модныхъ романовъ въ концѣ концовъ убѣдили его, что Богословіе и не наука въ строгомъ значеніи этого слова» (там же, 113–116). (*Pesti Napló* – венгерский политический журнал, который выходил с марта 1850 года до октября 1939 года.)

Выражения без объяснений, т.е. глосс:

«Та якъ могли вы допустити „фару” до такого развалитися грозящаго состоянія?» (там же, 163–164). *Фара* (церк.) = ‘приход (катол. церкви)’; ‘бывалище (дом, усадьба священника)’ (см. Керча 2007: II, 526).

Для понимания текста читатель во всех случаях нуждается в объяснении и нередко в знании русинского или венгерского языков. Поэтому анализ языковых, точнее лексических особенностей произведения представляет особый интерес и станет темой дальнейшего исследования *Ницих духомъ* Е.А. Фенцика.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон, А. 1994, *Два источника морали и религии*. Москва: Канон.
- Вишенський, І. 1952, Писаніє до всѣхъ обще в лядской земли живущих, да ся покають к богу, показуючи, каковы плоды лядское земли жителей. В кн.: *Хрестоматія давньої української літератури: Доба феодалізму*. Київ: Радянська школа.
- Даль, В.И. 1881, *Толковый словарь живого великорусского языка I–IV*. Санкт-Петербург–Москва: М.О. Вольф [Москва: Русский язык, 1998].
- Дуличенко, А. 2008, *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Ужгород: Изд-во В. Падяка.
- Духнович, А. 2010, *Я – Русин: Твори*. Ужгород: НТШ.
- Керча, И. 2007, *Русинско-русский словарь I–II*. Ужгород: ПолиПринт.
- Листокъ – *Духовно-литературный журналъ «Листокъ»*. Унгарь, 1885–1903.
- Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. 1998, *Толковый словарь русского языка*. Москва: Российская академия наук институт русского языка им. В.В. Виноградова.
- Падяк, В. 2010, *Нариси історії карпаторусинської літератури XVI–XXI століть*. Ужгород: Вид-во В. Падяка.

- Ринекер, Ф – Майер, Г. 1999, *Библейская Энциклопедия Брокгауза*. Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung.
- Рудловчак, О. 1985, *Хрестоматія закарпатської української літератури ХІХ століття: Друга частина*. [Košice].
- Сабов, Е. 1892, *Заявление учителя Ужгородской гимназии священника Сабова Евмена епископу о разрешении выдачи использования церковной литературы для выдаваемой им хрестоматии 1892 г.* Закарпатский областной архив, фонд 151, опись 25, № 1583.
- Сабов, Е. 1893, *Хрестоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ*. Унгварь [Ужгород]: Келеть.